

Андрей Мансуров

Ещё три сказки, сказ и бонус

«Автор»

2016

Мансуров А. А.

Ещё три сказки, сказ и бонус / А. А. Мансуров — «Автор», 2016

Эта книга является продолжением первой. («Три сказки о Городе Теней») Хотя мне не удалось объединить представленные в ней сказки и рассказы единой, общей, темой, надеюсь, от этого они не станут менее интересны. Первая сказка - попытка посмеяться над многочисленными в последнее время примитивно-морализаторскими побасёнками, которыми авторы пытаются «вразумить» подрастающее поколение компьютероманов. Рассказ про приключения Конана выдержан в традиционном для меня стиле: приключения и подвиги! «Возвращение» - пролог из социального романа-фэнтези о Маленьком Народце, и его месте в техногенном мире. А «Уговор» - дань моего уважения великому сказителю Бажову. Как и «Чудовище Рассела» - Артуру Конан Дойлю. (Надеюсь только, что они не обидятся!) Рассказ же про двух авантюристов - просто шутка.

© Мансуров А. А., 2016

© Автор, 2016

Мансуров Андрей.

Ещё три сказки, сказ, и бонус.

Эта книга является продолжением первой. («Три сказки о Городе Теней») Хотя мне не удалось объединить представленные в ней сказки и рассказы единой, общей, темой, надеюсь, от этого они не станут менее интересны.

Первая сказка – попытка посмеяться над многочисленными в последнее время примитивно-морализаторскими побасёнками, которыми авторы пытаются «вразумить» подрастающее поколение компьютероманов. Рассказ про приключения Конана выдержан в традиционном для меня стиле: приключения и подвиги! «Возвращение» – пролог из социального и реалистичного романа-фэнтези о Маленьком Народце, и его месте в техногенном мире. А «Уговор» – дань моего уважения великому сказителю Бажову. Как и «Чудовище Рассела» – Артуру Конан Дойлю. (Надеюсь только, что они не обидятся!)

Рассказ же про двух авантюристов – просто шутка.

1. Грубая реальность.
2. Напарник.
3. Возвращение.
4. Уговор.
5. Властительница вождедений.
6. Чудовище Рассела.

1. Грубая реальность

(Злобенькая пародия на «морализаторские» произведения для «вразумления» компьютероманов.)

Тысячу раз Колян говорил, чтобы не пялился в планшет на ходу.

Колян не слушал. Или слушал, кивал, говорил «Да-да!» и когда говорящий отворачивался, или оказывался подальше, снова...

Вот поэтому когда резанулся-таки лбом прямо о перекладину турника на детской площадке у дома, только и успел запоздало подумать, ощущая ужасную боль кожей у корней волос: «Блинн! Надо было левей брать!»

В книгах пишут, и в мультиках показывают, что в таких ситуациях искры из глаз сыплются.

Неправда. Ничего такого не было.

Просто всё как-то внезапно померкло – словно кто-то выключил свет. Весь. Не оставив даже спасительного лучика ночника, как было до сих пор у него в детской комнате.

Но эта мысль пронеслась где-то уж совсем на краю сознания...

Когда открыл глаза – поразился.

Прямо над головой – небо. Глубокое. Иссиня-голубое.

Чуть повернув голову, увидел и солнце – вон оно, светит себе, как ни в чём не бывало. Ну правильно: ему-то что! Хорошо хоть, светит не прямо в глаза. Потому что он лежит, оказывается, в тени. А вот интересно – откуда здесь, в пустоте между двух девятиэтажек – тень. Да ещё от дерева.

Деревья-то у них во «дворе» давным-давно поспилены: соседи-автовладельцы наняли за наличку бригаду мардикеров из ближнего зарубежья, да повыкорчевывали все деревья. Заасфальтировали. Чтобы было где ставить железных коней. И, конечно, чтоб птицы их «ласточкам» да «жеробцам» на лобовые, да на крыши не...

Колян со стоном попробовал лоб ладонью – точно. Шишка – будь здоров.

Но после прощупывания запоздало поразился: а почему никто не помог ему?!

Почему кто-нибудь из вечно сидящих на стрёме у подъездов бабушек-сплетниц, не позвонил маме? Уж ма бы выбежала – да и не допустила бы, чтоб любимый сынуля лежал на грязно-пропылённой утопанной земле, что выстилала теперь детскую площадку!

Тут Коляну пришлось сесть. Потому что то, что он увидел, скосив глаза, оказалось настолько дико, что просто не укладывалось в голове!

Слева – кусок океана: вон он шумит, мягко накатываясь барашками пены на гребнях волночек на белейший песочек пляжа. Пляжа?! Не должно у них во дворе быть этого самого пляжа! Колян сердито нахмурился. Но на пляж это впечатления не произвело: он и не подумал исчезнуть. Пришлось признать, что это – не мираж.

Ладно, вот он, значит, пляж. Колян посмотрел в обе стороны. Да, пляж идёт и туда, насколько хватает взгляда, и сюда. На столько же. То есть – в бесконечность. А после широкой, шагов в сто, девственно белой полосы, справа, идут... Джунгли?

Ну, или что там растёт на островах Тихого океана – пальмы, мангры, бананы? Э-э, неважно. Словом – тропические заросли. Вот их-то непроходимую стену он и увидел.

Нет, не мираж: в ноздри бил острый запах – соли, нагретого песка, гниющих водорослей, йода, чего-то ещё пряного и незнакомого. И упорно шумели волны прибоя. А в джунглях... Явно перекликались не то – попугаи, не то – колибри. (Или колибри не перекликаются?) Шут с ними, с колибри – какие-то тропические птицы.

И, если не считать мерного рокота прибоя и этих криков, вокруг царил абсолютная тишина! Даже не играло радио в будке с Кока-колой, обычной для любого пляжа, или телефон ни у кого из, по идее, тех, кто должен бы здесь купаться, не звонил.

А ещё Колян понял, что он... Абсолютно нагой. Ну то есть вот – вообще голый: даже трусов нету!

Единственное, что утешает, то, что на островах Тихого океана, вроде, тепло. Он точно не замёрзнет и не простудится – эта неуместная мысль прочно сидела где-то глубоко, в подсознании. Может, вспомнились рассказы каких-то знакомых знакомых, ездивших на Мальдивы?

А основная, затопившая весь его мозг липко-чёрной оглушающей и бросающей в дрожь лавиной, была: «Мама-а-а-а!!! Помогите!!! Где я?! Как сюда попал?! Хочу назад!»

Ветви над головой задвигались, зашелестели. Из гущи лаписто-перистых тёмно-зелёных листьев выглянула странная птица. С выгнутым массивным клювом: жёлтым, и, по виду, очень тяжёлым и прочным. Колян инстинктивно отодвинулся подальше от грозного соседства, готовясь вскочить, да дать дёру, если птице он вдруг не понравится.

Потом сообразил – бежать-то – некуда! На пляже он будет замечен, как динозавр среди муравьёв. А джунгли – похоже, дом для гигантской птицы. Тукан это, что ли?..

Птица хитро посмотрела на него одним глазом, другим. Чёрная бусина подмигнула Коляну. Тот опешил. От удивления как-то само собой вырвалось:

– Ты – чего?! Чего надо?

Птица глянула теперь уж совсем весело. Вдруг откинулась, открыла клюв:

– Ха-кха-кха!.. А ничего. Это ты – чего. Тебе, молодому такому, чего надо? Зачем сюда явился? Кто тебя звал?

Колян от такой наглости опешил. Помог себе привычным способом. Когда рука устала чесать в затылке, а путного так ничего и не придумалось, спросил:

– А где я?

– В раю.

– Да нет... «Тропический рай на островах... Пятизвёздочные отели... «Олл инклюзив». Скидка на все услуги...» Проспекты турне по островам я видал. Где конкретно я нахожусь?

Птица снова закинула голову назад и громко рассмеялась. Беззаботно и весело. Потом почему-то внезапно замолчала и вперила уже не такой весёлый взгляд в Коляна:

– Бедняжка. Всё пытаешься цепляться за привычный мир... Да, на первых порах страшно, конечно... Только не выйдет. Забудь. Ты – в раю. Настоящем. Навсегда.

– То есть... – у Коляна свело судорогой челюсти, и сердце словно схватила волосатая ледяная рука, – Я... Умер?

– Ну да. Умер. Скопытился. Откинул сандалии. Дал дуба. Склеил лапы... Называй как хочешь. И вот теперь ты – в раю.

– А как же тогда... Мама? Отец, сестра?

– Говорю же – забудь. Тебя уже ничто из *прошлой* жизни не должно волновать. Родителей, конечно, жалко... В том смысле, что ты покинул их таким молодым. Мать там, наверное, руки заламывает, рыдает над твоим хладным телом. Отец зубами скрежещет от бессилия. (Извини за цинизм. Но – знаю я вас, людей!) Но ты-то уже с этим сделать ничего не сможешь! Раньше надо было думать. Да вперёд смотреть!

Колян сглотнул липкий комочек. Почему в груди так закололо?... Потрогал рукой – точно. Это сердце. Словно сжалось, как проколотый мяч, и стучит так, что отдаёт в виски и в шишку на лбу, которая, наверное, уже стала лиловой и большой, как слива...

Ну он и баран! Идиот! Ворона!

Оправдать его может лишь то, что никогда не думал, что *вот так* может кончиться, невинное, вроде, увлечение планшетом и его волшебными возможностями... Но только матери от его запоздалого сожаления вряд ли будет легче!

Колян заставил себя перестать кусать губы. Опустил глаза вниз. Поковырял песок ладонью, попросеивал из кулачка... А ничего – бодро так просеивается.

Он вздохнул. Снова покачал головой, сдерживая слёзы. Птица молчала – похоже, чуяла его мрачные мысли и ужасное состояние. Он попытался взять себя в руки:

– А... Почему здесь никого нет? Где... Все?

– Что значит – никого? Я же здесь! И в океане полно рыбы. Да и в джунглях навалом других птичек. А ещё – мышек, кротов и прочих крокодилов.

Колян затравленно оглянулся, вскинулся, чтоб бежать, если – что! Птица поторопилась пояснить:

– Шучу. Хе-хе. Крокодилов, и разных опасных для людей ядовитых москитов, скорпионов, клещей, и прочего кусаче-ползучего безобразия здесь нет. Ну, рай же!

– Ну да... Рай. Я поэтому и спросил – где? Все.

– А, ты про людей. Нет, милый. Те, кто попадают сюда в твоём возрасте, должны ещё доказать. Что достойны.

Выжить здесь, то есть. Поэтому на первых порах никого ты здесь не встретишь. Из мужчин. Ну а в смысле второй половины...

Ты ещё не дорос до шестнадцати. Поэтому и девушек тоже – не будет. А мужчины здесь сами обычно не хотят... общения. С другими мужчинами. Хе-хе... Разве что совсем уж старые – те группируются. По интересам. Да и воспоминаниями надо же с кем-то делиться. Ну тебе-то это ещё совсем уж рано... Кхе-кхе.

Так что пока будешь – один-одинёшенек. До того момента, как не повзрослеешь.

Если повзрослеешь.

Коляну странные намёки на то, что он в раю может и не выжить, показались... Неуместными. Как это *здесь* – и *не выжить*! Рай же! Но... Кто же эта птица?

– А... ты кто?

– А я тоже живу здесь. Меня при расчистке джунглей дома, в Боливии, убило падающим гибискусом. Очухалась уже тут.

– А... Откуда язык людей знаешь? Встречала таких, как я? Русских? Ты же вон как чисто говоришь?

– Ах, это... Нет, я не говорю. Если заметил, у меня и клюв не раскрывается, – Точно! Колян только сейчас обратил на это внимание! – Я просто думаю. Мысли-то перевода не требуют. Поэтому тебе и кажется, что я отлично говорю по-вашему... Как ты сказал? Руски? Таких ещё не встречала.

– А как тебя... Звать?

– Аделаида. А тебя – я и так вижу: Колян.

– Точно. Ну, приятно познакомиться. – Колян почти перестал бояться странную птицу. Похоже, нападать она не собирается. Да и вряд ли плотоядна: с таким-то клювом... Только бананы есть!

– Взаимно. Ну, ты осваивайся, осваивайся... Позовёшь, если возникнут трудности с местными... Условиями. Покричишь тогда. А мне сейчас пора завтракать. – листья зашелестели, ветка упруго качнулась – Аделаида явно весила побольше, чем гусь, которого ма достала на прошлое Рождество. Клюв скрылся среди зелени, Колян услышал хлопки немаленьких крыльев.

Но вот их шум затих где-то за стеной деревьев. Колян повернулся, и внимательно оглядел место, куда попал.

Океан... Как океан. Монументальный и безбрежный. Шумит. Мирно этак накатываясь словно пушистыми от барашков волнами – всё, как океану и положено.

Песочек. Раскалённый. Белый. А уж сверкает – так, что приходится щуриться.

Джунгли... Как сказала Аделаида? Мышки и кроты? Наверное. Ну, должен же кто-то подъедать остатки всех этих фруктов, что явно растут здесь.

Что же ему теперь делать?

Осваиваться?

Похоже, придётся. Только вначале хорошо бы... искупаться!

Вода оказалась точно – как в раю.

Тёплая, солёная, не утонешь, даже если, как он, не умеешь плавать. Вот только с непривычки жутко разъело глаза. Да ступни и ладони – словно съёжились: покрылись складочками, как и бывает, когда долго находятся в воде, и белым налётом: точно, соль!

Вокруг, и правда, буквально кишмя кишели разные рыбки. И большие и мелкие. А уж разноцветные: ну прямо тебе «Эм-энд-эмс»! Кое-где на дне под водой, как он заметил, ветвились странные не то – растения, не то – скелеты их. Потом догадался: кораллы!

Да и ладно: ему из них бус, как хотела достать мама, делать уже не надо. Передать не удастся. При этой мысли снова стало не по себе – тоскливо, как в конце каникул.

А у него каникулы, похоже, растянутся... Навечно?

Загорать долго не рискнул – здесь же нет ма, с её криками о солнечных ожогах, и банкой простокваши.

Солнце по небу, кажется, двигалось – вон, оно сейчас практически в зените. Значит, близко к полудню. А ещё кое-что привычное сказало Коляну, что подошло время обеда – стало сосать и тянуть в желудке. Мёртвый-то он, может, и мёртвый... А есть хочется!

Странно. Рай же? Неужели здесь, как и там, дома, все материальные потребности желудка и кишечника нужно удовлетворять... Продуктами?!

Он поднялся с песочка, и двинулся в джунгли.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что не такие уж они и плотные: стена словно распалась, расступилась, и он смог по толстой подстилке из полусгнивших листьев и мха дви-

гаться так, что голым, непривыкшим к контакту с грубой поверхностью ступням, было не больно.

По мере углубления в чащу просвечивающих и шумящих под ветром зарослей, океаном – солью и какими-то, особенно противно гниющими, водорослями (фу!), пахло всё слабее, а джунглями – сыростью и прелыми листьями – всё ощутимей (терпимо).

Так, это что за дерево? Фиг его знает. А это? Тоже. Но раз на верхушках ничего нет – значит, они ему и не нужны. Разве что в развилке вот этого очень удобно было бы ночевать. Если, конечно, закрепить поперечную ветку вон там, и другую – вон туда. А между ними наложить других, помельче, да листьев – чтоб было помягче.

Правда, Аделаида сказала, что никого опасного для него тут не водится. Значит, пока можно ночевать и на пляже, если что.

Он сам не заметил, как углубился, пялясь на верхушки, достаточно глубоко: прибой где-то позади шумел уже чуть слышно. А хорошо, что хоть чуть – да слышно. Потому что Колян полностью потерял ориентацию: сколько прошёл, в каком направлении...

Впрочем, зачем ему возвращаться? Что искать? Везде всё – одинаково. Дом он себе ещё не построил. С собой ничего не привёз. Держаться чего-то, или возвращаться куда-то, стало быть, не обязательно. Вот только пищи бы теперь какой найти...

Банановое дерево Колян обнаружил уже на обратном пути к пляжу. Оказался не нужен Гугл – бананы-то узнать нетрудно. (Колян, довольно улыбаясь, погордился: какой он умный да много знающий! Без традиционной подсказки, как Пашка-бомбер, или Боб-чупачупс, которые, буквально всё, типа даже, как ширинку правильно расстёгивать, спрашивают у коробочки пластмассовой, обошёлся!)

На высоте пяти его ростов дразнящей глянцевитостью желтела огромная гроздь. Ему показалось, что и в ноздри буквально бьёт узнаваемый сладко-пряный запах. А выше обозначилась ещё одна гроздь, зеленовато-белая. И совсем уж высоко – то, что, скорее, можно было бы назвать намёком на будущую гроздь. Наверное, только поспевающие.

Отлично! Вот оно, в самом внизу: то, что ему надо сейчас. Теперь место надо как-то запомнить, или обозначить, да наведываться сюда, когда проголодается.

Постой-ка. Он и сейчас – голоден. И ещё ничего не съел.

Колян завертелся на месте в поисках палки – чтоб побросать, да посшибать.

Палка нашлась быстро: он отломил с помощью колена кусок от какого-то полусгнившего и податливого, разломившегося с громким, словно выстрел, хрустом, корня. Которых, кстати, на поверхности выступало подозрительно много: не любят тут деревья, что ли, углубляться корнями в местный песочек?..

Ладно, вспомним первобытных людей, которых он уже благополучно прошёл-и-забыл по истории, и начнём добычу пищи! «Собирательство», туды его в качель!

А вот с бросанием-киданием обнаружились проблемы.

То ли он неверно оценил высоту, на которой висела гроздь, то ли... Слишком ослаб. Палка зачастую просто не долетала до грозди. А если и долетала, не всегда в неё попадала. А даже если и попадала, почему-то ничего оттуда не выбивала!

Блин. Поздновато он спохватился, что не надо было сачковать на физре!

Устав, и взмылившись как лошадь, перевёзшая телегу с тремя тоннами зерна, (видел однажды такую картину в деревне у бабушки) Колян позволил себе сесть прямо под дерево, и немного облегчить душу, применив слова, которые говорил папашка, когда попадал себе молотком по пальцам. Правда, ни фига это не помогло. Потом вспомнил:

– Аделаида! А-де-ла-и-да!

Действительно, не прошло и двух минут, Аделаида прилетела. Захлопали крылья, тормозя здоровое, как у пеликана, тело, и вот она уже качается на ветви ближайшего дерева. Бесплодного. И хитро смотрит не него чёрной бусиной прищуренного глаза.

– Аделаида! Слушай, у меня тут проблема. Не могу бананы с дерева сбить!

– А чем ты сбивал? – Колян показал палку, которой так и не выпустил из руки, – Ага. Понятненько. Могу сообщить: из невызревшей, да, собственно, и – из вызревшей, грозди, банан выбить очень трудно. Потому как его плодоножка очень хорошо приросла к основанию. Можно только срезать всю гроздь. Снизу, с земли. Специальным ножом на длинном шесте. Так, кстати, сборщики бананов и работают. В паре: один срезает, другой – ловит. Да уж не руками, конечно. – поправились птица на ещё даже невысказанную вслух мысль Коляна.

– Я так рад. – сарказма в тоне Коляну скрыть не удалось, – За сборщиков бананов. А мне-то что делать?

– Ну... Раз сбить не получилось, попробуй залезть на дерево – может, сможешь оторвать, перепилить острым камнем... Ну, или отгрызть основную плодоножку.

Понаблюдав минут десять за тщетным пытанием, кряхтением, и сползанием обратно по стволу снова вспотевшего, словно мышшь, Коляна, птица протянула:

– Н-д-а-а... Сборщиком бананов тебе не работать, это точно. Ни одна приёмная комиссия не возьмёт.

– Хватит прикалываться! – Колян запыхался, устал, и ободрал внутреннюю поверхность бёдер и предплечий о жёсткий шершавый ствол, – Скажи лучше: что делать-то?!

– Поискать другое дерево. Под которым уже будут лежать спелые. Правда, тут на такие и кроме тебя охотничков навалом: крабики, мышки да опоссумы... Но мало ли...

Вдруг и тебе чего достанется – с барского, как говорится, ствола. А сейчас иди-ка вон туда: там протекает пресный ручеёк. Он тебе сейчас не помешает.

Ручеёк, ох, не помешал Коляну!

Он и умылся, и пот с противной пылью и волокнами коры смыл, и напился вволю.

Вот только в животе всё так же сосало.

– Аделаида! Слушай, а чего здесь ещё поесть-то можно? В сыром виде! – поправился Колян, вспомнив, что ни газа, ни кастрюли, ни микроволновки тут точно нет.

– Ну-у-у... Многие впервые попавшие, пока костёр-то не развели, сырую рыбу ловили да ели. Позже, когда раковину большую находили – крабов и креветок отваривали. Рыбу обжаривали. В листьях банана бататы да ту же рыбу запекали. В золе.

– А что это – бататы?

– Клубни такие. – Аделаида прямо по-человечески покачала головой на его готовый сорваться с губ вопрос, – Нет. Показывать не буду. Ты должен был прийти сюда уже со знанием. Всего, что может понадобиться для выживания в «дикой природе». Здесь городов, электростанций, да комбинатов полуфабрикатов нет. Чего добудешь – то и съешь.

– То есть, ты хочешь сказать...

– Что если ничего не добудешь – ничего и не съешь.

– Блинн... Ну ни фигя себе – рай!

– Рай как рай. Нормальный. Для тех, кто сам о себе может позаботиться. А ты что, и правда думал, что всё тебе здесь будет нахаляву? Что жареная курица сама в рот залетит, а кровать с массажным матрасом под задницу поднырнёт? Да ящик с диагональю сто шесть повиснет на стволе пальмы, и сам включится?

Нет, милый! Здесь – ещё более грубая, обнажённая *реальность*.

Такая, как её себе представляли ваши далёкие-далёкие предки. Не думаешь же ты, что рай будет всякий раз меняться, как только вы там, в жизни, придумаете новый гаджет, автомобиль, или джакузи?

Ничего подобного. Как ваши прапрапрадеды, только-только от обезьяны произошедшие, да палку в руку взявшие, всё это себе навоображали, так эти представления и закреплены здесь. Навечно. Как стандартные. Ну, тем, кто всё это и обустроил.

– Ты имеешь в виду... Бога?

– Не знаю. Никогда не встречалась. Да и те, кто был здесь до тебя – тоже.

Но то, что для первобытных людей подходило, для вас, цивилизованных, должно уж тем более подходить – это же не шаг к звездолётам или микропроцессорам... А как раз – наоборот: назад! К простой и здоровой жизни. На лоне природы. Впрочем, я думаю, философские установки Торо и прочих «возвращенцев» к патриархально-сельскому образу жизни тебе тоже – ничего не говорят?

– Да-а-а... Ничего.

– Ну так поверь – девяносто девять процентов тех, кто попал сюда до тебя, десятки или сотни лет назад, как раз ничему и не удивлялись! Это – именно то, что они мечтали получить, окончив свой, так сказать, «земной» путь.

Поэтому сообщаю: обустройство быта зависит лишь от тебя самого.

Захочешь вкусно есть – поймай, или собери. Да приготовь.

Захочешь удобно спать, чтоб чёртовы термиты в уши не лезли, да крабики за задницу не кусали – придётся на каком-нибудь дереве, или двух-трёх, помост делать. Или не придётся. Если с голоду так ослабнешь, что орудия в руках держать не сможешь.

– Аделаида. Какие орудия?... – Коляна переполняли нехорошие предчувствия.

– Разные. Которые сам себе сделаешь. Вон: за джунглями – горы. Наберёшь там кремней, чтоб искры-то летели, да сухого валежника с листьями и мхом. Разведёшь костёр. Обогреешься. Поджаришь, чего поймал. А из крупных камней топор сделаешь. Лианами к рукоятке-палке прикрутишь. Из отколотых осколков кремней ножей наделаешь... Что, опять – мимо? – Аделаида глядела, как он только сокрушённо моргает, да вздыхает.

– Да, мимо... Я... Не знаю, как выглядят кремни. И огонь... Добыть не смогу, наверное. Придётся есть рыбу сырой. А как её поймать, кстати?

– Хороший вопрос. Он мне о многом говорит. Например, о том, что ты никогда не смотрел документальные передачи про выживание в дикой природе, – Колян утвердительно кивнул, – И про разные природные ландшафты и населяющие их дикие племена, – очередной кивок, – И даже передачу-викторину «Остаться в живых»?

– Нет. Когда этот цикл закончили показывать, мне было два года.

– Ага. Как говорят в таких случаях ваши юристы – «Незнание закона не освобождает от ответственности», – вот тут Колян кивал уже со знанием дела, – Но в твоём случае правильной сказать: «Не смотрел – рискуешь остаться голодным». Ладно. Последний вопрос. Может, хоть «Таинственный остров», или «Робинзон Крузо» читал?

Нет?

Ну, брат, ты побил все рекорды ничегонезнания... Вот. Тысячу раз говорила – планшет за тебя даже яичницу не поджарит... Ты хоть *что-то* руками делать умеешь?

– Ну... – Колян срочно пытался вспомнить, что он делал у бабки в деревне, – Я, это... Могу дров принести. Воды из колодца набрать. И тоже принести. Э-э-э... Вот: ещё могу в Гугле посмотреть, как и что делается... ММС переслать. Лайку выставить. Сэлфи щёлкнуть. Игру новую бесплатно через вацап скачать. Фильм – через вайпер. Ещё – хлеб нарезать. В микроволновку тарелку с картофельным пюре поставить. – теперь уже Аделаида отрицательно качала головой на каждое предложение.

Колян, поняв, что не в струе, заткнулся.

Аделаида тяжело вздохнула. Похлопала крыльями. Сжалась:

– Ладно. Подсказку дать могу. Найди (*Отломать* у тебя – точно не получится. Особенно с такими ручонками худосочными.) ветку поровней, да с тебя ростом. На пляже подберёшь пустую раковину – их здесь навалом. Острой кромкой заточи оба конца палки. Вот тебе и копьё. А уж попасть в рыбу – это твоя проблема!

Проблемой Коляна это осталось и спустя три утомительных часа, за время которых с него снова сошло семь потов, а правая рука почти перестала слушаться.

Оказывается, сострогать острой и ломкой раковинной палку так, чтоб остриё стало острым – та ещё задачка! А попасть в бок рыбе тоже оказалось неожиданно сложным, и удавалось примерно раз из десяти! Эти яркие беззащитные крохи – они, вроде, спокойные, да медлительные... А как начинаешь подводить остриё поближе, чтоб наколоть – улепётывают быстрее реактивного истребителя в видеоигре!

А ещё это остриё постоянно размокало, да не желало пробивать чешую тех рыб, в которых он умудрялся-таки попадать.

Вот если бы он мог кончик копья закалить на огне – чтоб уж не размокало!.. Но до костра – как до неба. Где он найдёт эти кремни, камни, валежник и мох...

Так что к концу «рыбалки» так и так пришлось из воды вылезать не солоно хлебавши: все окружающие рыбы уже успели с ним, похоже, познакомиться. И, как бывало в самом начале, доверчиво, к себе не подпускали. Коляну казалось даже, что некоторые, особенно, большие и опытные, даже похихикивают про себя. Словно издеваясь.

У-у, паршивки... Ну погодите – вот он отдохнёт, и...

Нет, лучше быть реалистом: ничего он им не покажет. Рыбалка при таком состоянии мускулов, и усталости – точно не для него. Да и голову напекло: побаливает. Вот баран: не догадался прикриться хотя бы тем же банановым листом.

Н-да. Облом. Ну ладно – есть и плюсы. Не нужно есть сырую и незнакомую рыбу. (Хотя если честно – он и в незнакомую бы сейчас зубы запустил!)

Пришлось снова вернуться к ручью – смыть соль и напиться. Потому что ходить в прибрежной полосе океана он уже не мог: хоть и заходил-то всего по колено, все ноги ниже них так разбухли, и ступать ступнями даже по песку стало так больно, что только закусывая губы удавалось не плакать...

Тут же, в тени возле ручья он и прилёг.

Сжимать в бессилье и злости кулаки уже перестал. Оставалось только хмуриться, да ругаться – вслух и про себя. Он засёк точку, и долго наблюдал, надеясь, что хоть какие-то силы в его истерзанное и выдохшееся тело вернутся. (Ни фига они не вернулись!)

Нет: всё верно. Солнце здесь вовсе не движется по небосводу, как он было заопасался, а застыло навсегда в зените. Ну точно: рай!..

Мысли о том, что он – полное ничтожество как в бытовом, так и в физическом плане, уже не скрываясь, толпой, лезли в голову: даже без стука! Запоздалые сожаления, что даже не ходил в деревне с ребятами на рыбалку, помочь никак не могли. Впрочем, как и воспоминания о тех вкусностях, и просто – сосисках с картофельным пюре, что так быстро, и, вроде, без особых усилий, готовила ма.

Он повернулся на бок. Слезы, сволочи такие, текли по щекам прямо на землю. Ну правильно: в воде недостатка нет!

Но не может же так быть, что тут, прямо возле ручья, он и умрёт?!

Нет, не должен он умереть. Он – должен попытаться ещё раз. Ну-ка, постараемся вспомнить, что ещё съедобного может иметься в джунглях, или в океане, что можно кушать без опасения за расстройство желудка, и что он сможет, не напрягаясь особенно, достать?..

Аделаиду Колян позвал, только убедившись, что перед ним и правда – кокосовая пальма. Аделаида покудахтала – это она так смеялась:

– Коленька! Спорим, ты не слышал, как аборигены Соломоновых островов связывают себе ноги, чтоб забраться по стволу наверх?

Убедившись, что Колян в очередной раз сокрушённо вздыхает да качает головой, продолжила «добывать»:

– Далее. Если даже ты и найдёшь упавший орех, тебе с ним не справиться. Почему? Объясню на доступном тебе примере. Представь, что перед тобой танк. Бронированный, прочный. А тебе нужно попасть внутрь. А танкисты заперлись. Понял? Ну то-то!

Скорлупа под копровой коркой настолько прочна, что выдерживает месяцы в солёной воде океана без малейшего вреда для ядра... А тут – ты!.. Чем ты его вскрыл бы? Камнем? Хе-кхе... И где же камень?

Ну, Колян понимал, что тут как в сказке «Дом, который построил Джек»: пока не поел, нету сил идти за пояс джунглей, добывать камни. Пока не определил, который – кремень, да не наделал из него лезвий, похожих на ножи, скорлупу и правда, не вскрыешь. А пока не вскрыешь – не наешься, чтоб утолить голод и набраться сил.

Замкнутый, словом, круг!

– Аделаида. Знаешь, может, конечно, для первобытных людей тут и правда – рай... Но ты, случайно, не знаешь – нет ли тут поблизости другого рая? Для таких... м-м... «Детей Цивилизации», как я?

Аделаида фыркнула:

– То есть – для таких рохлей, которые не могут палку забросить на три своих роста?! Для тех, кто отродясь топора или лопаты в руках не держал? Или про разведение огня палочками и лучком – слыхом не слыхивал, и узнать даже про самые элементарные бытовые нужды может только у Гугл-а?!

Нет, милый. Поблажек тут никому не делают. А умрёшь с голоду при таком, – она повела крылом, – избылиии – сам будешь виноват!

– Аделаида! Но это же – нечестно! Требовать с меня, маленького мальчика, чтоб я всё это, никому сейчас не нужное, и давно вышедшее из употребления, знал и умел?!

– Вот уж нет. Тут до тебя бывали и – десяти, и даже восьмилетние детишки. Из тех, как ты говоришь, пещерных. Ну так они справлялись получше многих теперешних взрослых! Знаешь почему?

С детства смотрели и учились – как всё это делают отец и мать. Старейшины. Охотники. А ты чему у отца научился? Даже лопату держал в руке лишь однажды – когда понадобились черви для рыбалки. Отца. А ты... Ага. Вижу-вижу. Сказал, что горло хрипит. Мамочка поторопилась тебя прикрыть – ты не поехал. Молодец. Не посмотрел, не научился... (Про то, чтоб ты сделал сейчас для ловли рыбы *крючки*, или лесу – сплёл из волокон лиан, уж и не упоминаю!)

Коляну нечего было возразить – Аделаида словно читала (А почему – словно?! Она и читала!) у него в мозгу.

Однако в животе уже не сосало, а болело и разъедало – словно туда плеснули кислоты. Если он в ближайшие часы не закинет туда какой-нибудь пищи, то... И ног-то таскать не сможет! Да и перед глазами джунгли уже слегка качались и кружились – похоже, от слабости.

Аделаида на его возражения снова фыркнула:

– Небось рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни» тоже не читал? А то бы не болтал такие глупости! Человек без пищи может жить до двух месяцев. Вот без воды – да, не больше пяти дней. А без воздуха – не больше пары минут. – увидев, как Колян дёрнулся, поторопилась пояснить, – Снова – шутка. Это я на тот случай, если б ты умел плавать, да захотел понырять там, за рифом. Там есть большие вкусные моллюски, и реально крупные (а не такие, как у

пляжа) рыбёхи – таких только гарпуном можно добыть. Ладно-ладно – не буду капать тебе на любимую мозоль: про гарпуны речи не идёт.

Скажи, Колян, ты и правда – вот такой, как я тебя сейчас вижу?

Неприспособленный, слабый и отчаявшийся?

– Ну... да. Жить в этой... «дикой природе», я отродясь не собирался!

– А как же ты представлял свою взрослую жизнь? Ну, там, в *той* жизни?

– Ну... Думал, смогу как па, или дядя Саня, сидеть в каком-нибудь офисе, одетый в белую рубашку да чёрные брюки. Ну, там, программы сочинять, бумаги перебирать, да...

– Да в игры играть, и с другими дебилами-неумёхами общаться в чатах, да фотки – эти самые тупые сэлфи, выставлять в инстаграмме, да фильмы свежие через вацап нахляву скачивать! – закончила за засмущавшегося и покрасневшего Коляна Аделаида. – Таких «оффисмальчиков» к нам сюда тоже попадает достаточно. Однако!

Многие приспособливаются! И жилище и быт обустроивают – куда до них Тарзану! А, извини – я опять забыла, что ты и про него не знаешь.

– Аделаида... Прости, что спрашиваю. А вот что случается с теми, кто...

– Кто как ты – вообще ничего не умеет, и попросту может умереть с голоду?

– Ну... Да.

– А они и умирают. Обычно долго и мучительно. Рыдая от боли в пустом желудке, и нравственных терзаний! И сожалея о каждой минуте там, в прошлом, когда вместо учения тому, что должен уметь нормальный мужик, и хотя бы – футбола, пялились в коробочку-то пластмассовую...

Но иногда таких шлют туда, где дают второй Шанс. (Ну, это уж зависит от того, хотят ли они всей душой наверстать всё то, чем пренебрегали. Брезговали, словно отжившей и протухшей, никому не нужной, примитивной фигнёй. И *по-настоящему* сожалеют о потерянном впустую времени. Таким и правда, *иногда* помогают.)

Прощают, то бишь, их неразумность детскую. И самомнение великое.

Колян чувствовал, как краснеют уши. С трудом заставил себя перестать кусать губы – теперь это никак не поможет. Ведь перед ним – не мама... Вместо сочувствия Аделаида в очередной раз посмеётся-покудахчет. И будет права.

Да, он – такой. Неприспособленный. Неловкий. Невыносливый. Без знаний и умений. Не читавший и не смотревший ничего, кроме эсэмэсок от друзей-приятелей, да суперблокбастеров-стрелялок, чтоб уж быть «в струе», когда в классе обсуждали...

Но, может быть...

– Аделаида. Пожалуйста! Попроси за меня того, кто... – он сглотнул, – Ну, кто меня сюда поместил! Я, я... Честное слово! Всё это найду. Научусь. Прочитаю! Клянусь!

– Не клянись. Ваши, людские, клятвы, обычно ничего не стоят. Если тот, кто поместил тебя сюда, согласится, вся память о том, что с тобой случилось, останется с тобой. И отвечать – выполнишь ли ты свои обещания, или нет, придётся только перед *своей* совестью. И логикой. Ведь это место не изменится, и когда снова попадёшь сюда. В старости!

А уж сделаешь ли ты для себя выводы, или нет... Чтоб не ударить в грязь лицом когда в следующий раз встретимся... – Аделаида выразительно посмотрела на него.

Колян истово кивнул, придерживая обеими руками ноющий живот.

Аделаида вздохнула, покачала головой. Закатила к небу глаза. Опустила их снова – выражение Колян затруднился бы описать...

Птица хлопнула крыльями.

Вселенная вокруг Коляна раскололась... И снова возникла.

– Коля! Да Коленька же, сынок, ну очнись, ну пожалуйста! – причитания матери не спутать ни с чьими! Но пока их почему-то только слышно. И ничего не видно! Вдруг...

Резкий запах, бьющий в ноздри, заставил голову судорожно отдёргнуться прочь – от ужасной вонищи! Он заморгал. Глаза наконец открылись.

Ух ты! Солнце!

– Ага! Ну вот: пожалуйста! Я же говорил, что нет ничего лучше старого доброго нашатырного спирта! – чей-то довольный голос.

Колян скосил глаза вбок.

Ах, вон в чём дело: это встаёт на ноги до этого склонившийся над ним и прижимавший к его ноздрям вату с чем-то жутко вонючим, пожилой мужчина в белом халате.

А сам Колян лежит, оказывается, задницей на голой твёрдой земле, а плечи и голова покоятся на руках у матери.

– Господи, спасибо вам, доктор! Слава Богу! Он жив!

– Как огурчик. Даже сотрясения нет. Словно родился в рубашке. Вот только шишку придётся смазать йодом. Сейчас. Минутку. – Колян снова ощутил, как по лбу мажут чем-то холодным, – Вот так. Ничего-ничего. До свадьбы заживёт! – доктор снова ушёл куда-то. Колян услышал, как он что-то говорит в рацию. Снова послышались шаги:

– Ну, до свиданья, мамочка рассеянного с улицы Бассейной! Рассеянный! Поправляйся! И читай лучше книги – а то планшет портит зрение. А эм-пэ-три – слух...

Рядом зафырчал мотор, заскрипел гравий под колёсами, и машина стала удаляться.

Колян перевёл взгляд снова в глаза матери. Сейчас та почему-то молчала, лишь глядя его рукой по волосам.

Колян вдруг решил:

– Ма! Прости меня. Я вёл себя как последний идиот. Только баран мог не заметить турник. Честное слово: я больше никогда...

Мать только кивала. Но он видел в её глазах – неверие.

Сколько уже она слышала таких обещаний и клятв!

Он вздохнул. Аделаида! Он помнит! А уж в желудке как пусто!!! Но...

– Ма! А у нас есть рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни»? – и, увидев округлившиеся от удивления глаза, продолжил, – И ещё: научи меня, пожалуйста, чистить рыбу!..

2. Напарник.

– Слушайте, жители Биркента, и уважаемые гости нашего города, и возвестите тем, кто не слышал! Мы, Падишах Мохаммад шестой объявляем своим Словом свою волю!

Завтра, с рассветом, любой пожелавший сможет войти в главные ворота дворца, и отправиться на поиски принцессы Малики! Тот, кто невредимой выведет её наружу, получит прекрасную Малику в жёны, половину земель падишахства, а после нашей смерти – и все земли! И мешок золота в приданное!

Войти в ворота дворца и попытаться спасти принцессу может любой! Будь то знатный, или простой, неродовитый, человек! И если такой простой человек спасёт принцессу, он немедленно причисляется к родовой знати Биркента! Будь то житель нашего города, или самой отдалённой страны!

Таково наше, падишахское слово, и такова наша, падишахская, воля!

Слушайте же, жители Биркента, и уважаемые гости города, и возвестите тем, кто не слышал! Мы, Падишах Мохаммад...

Казённо-равнодушный и профессионально звонкий голос глашатая с отменно чёткой дикцией, без помех доносился с противоположной стороны базарной площади, с помоста, используемого обычно для публичных наказаний: от порки нерадивой рабыни, до отрубания кистей рук вора, или уж – голов – государственным изменникам. И слушать его ничто не мешало.

Потому что никто не смел нарушать тишину во время такого объявления: под страхом лишиться болтливости языка, или ещё какой части тела, произведшей бы шум – угрюмо-деловые стражники заранее взяли в кольцо огромную, пышущую жаром от полуденного летнего солнца яму, с пылью почти до щиколоток, что в Биркенте гордо именовалась Главной базарной площадью.

Поэтому разносчики, торговцы, покупатели, и просто оказавшиеся здесь в это время люди, застыли, не смея даже приоткрыть рот, и лишь косились на отблёскивающие кольчуги и оружие сардоров. А уж они у Мохаммеда шестого были ничего себе – откормленные, хваткие и крепкие на вид.

Конан, уже не обращая внимания на ставший привычным за последнюю неделю крепкий букет запахов: свежих лепёшек, конского пота, навоза, готовящегося плова, жаренной рыбы, дынь, и, разумеется, вездесущей пыли, стоял, оперевшись спиной на стену лавки жестянщика. (Тоже, конечно, прекратившего на время оглашения падишахской воли свой перестук молоточками-чеканами по котелкам-казанам и чайникам.) Послушал ещё немного. Собственно, он все условия отлично расслышал и в первый раз, но хотел послушать и во второй – вдруг чего из «условий» добавится. Или наоборот – пропадёт.

Ничего не добавилось. Но и не пропало – слова «мешок золота» приятно грели душу возможностью легко (как он себе это представлял) подзаработать!

Зато вот парнишка рядом с ним, еле протолкавшийся через толпу угрюмо насупившихся, задумчивых, сжимавших кулаки и хмурых брови, или наоборот – радующихся предстоящему действию, претендентов, и просто – свидетелей, вздрагивал, и хватался за грудь именно при упоминании государственным глашатаем имени принцессы.

Не иначе – воздыхатель.

Конан усмехнулся про себя: а что? Ему такой повредить не сможет, а вот помочь в случае чего...

А почему бы и не попробовать, в самом деле? Ведь никто не запрещает договариваться и заключать союзы: вон, пятеро заговорчески перешёптывающихся в тени соседней (с посудой) лавки молодых парней в костюмах знати, и с дорогим оружием у пояса, явно решили объединить усилия. С тем, чтоб уж сделать дело, а потом между собой как-нибудь всё поделить.

Ага, смешно: поделить, как же!..

Восток! Тут делёж прост: тому, кто коварней всех, и умело всадит по самую рукоятку нож в спину излишне доверчивого, или не вовремя отвернувшегося «союзника», всё и достанется. Ну, если и правда – удастся принцессу «вывести» из проклятого дворца...

Конан подошёл к парнишке, кусавшему губы и переминавшемуся с ноги на ногу явно в сомнениях: что же делать дальше, и как достойным образом подготовиться для сложной задачи! На тонкое костлявое плечо варвар положил огромную лапу:

– Что, паренёк? Небось, спать не можешь из-за мечтаний о Малике?

– Что?! Кто ты? Чего тебе надо?! – на обернувшемся чересчур порывисто лице вспыхнул огонь румянца, и парнишка, поняв, что его «вычислили», покраснел ещё гуще.

Конан, которого ситуация несколько забавляла, сказал:

– Я – Конан-киммериец. Проездом в вашем Биркенте. Но уже успел послушаться ваших местных... Хм-м... Легенд. А надо мне – мешок с золотом, который тут обещали за пустяковую работёнку. А поскольку ваша принцесса (Воздадим хвалы её прелестям и красоте!) – при всём моем безмерном к ней и её отцу уважении! – мне без надобности, как и половина этого вшивенького падишахства, я подыскиваю напарника для завтрашнего дельца. Если у нас получится – он заберёт эти самые полпадишахства и принцессу...

А я – мешок с золотом. Справедливый делёж?

– С... Справедливый. А... Почему ты говоришь это – мне?

– Потому что, как мне кажется, ты тут – единственный человек, действительно беспокоящийся о судьбе этой самой Малики, – при упоминании этого имени мальчишка снова дёрнул плечом и вспыхнул, лишней раз подтвердив подозрения Конана, – А не мешка с золотом и дармового титула придворного лизоблюда!

Паренёк опустил голову вниз, к стоптанным и выгоревшим туфлям, искоса глянув в сторону дворца, и опять закусил губу. Но когда поднял взгляд, Конан поразился: тот пылал такой страстью, что если б у варвара и имелись сомнения, то тут же исчезли бы:

– Твоя правда, чужеземец из Киммерии! Я... Я жизнь готов отдать за спасение Малики из лап этого... Этого... Не знаю, кого! Но в прошлый раз не смог участвовать: не хватило денег на госпошлину!

– Ну-ка, ну-ка, поподробней: что ещё за госпошлина?

– Ну, как, что за... – паренёк, казалось, опешил. Но быстро сообразил, – А, ты же чужеземец! И условий всех предыдущих попыток в день Марпита, нашего священного праздника, не знаешь! Так вот: после первого раза, три года назад, падишах решил, что незачем попросту пропадать деньгам богатых претендентов на звание наследного Принца. И определил сумму налога, который и завтра с утра будут взимать чиновники, отвечающие за сбор претендентского налога. Ну, то есть – с каждого желающего войти в отпертые ворота дворца!

– Так значит, ты...

– Да, я, наконец, набрал денег достаточно, чтоб заплатить. Ну, и оружие кой-какое прикупить...

– Ага. Отлично. Что ж, парень... Кстати, как твоё имя?

– Садриддин.

– Что ж, Садриддин, согласен ли ты объединить наши усилия на условиях, которые я предложил?

Паренёк замялся было, но тут же криво усмехнулся: похоже, над самим собой:

– Конечно, согласен, Конан-киммериец. Ты ведь с самого начала ко мне приглядывался, и понял, что мне плевать на золото и падишахство! Мне нужна только сама!..

– Знаю. Значит, договорились: завтра в полдень, здесь, у ворот.

– А... Почему – в полдень?

– Ну, как же! Я не люблю толкаться, занимать очередь, и препираться с ретивыми конкурентами, храбро, или нагло лезущими вперёд. Пусть все нетерпеливые и самоуверенные претенденты на должность зятя, уже войдут! Да и нам, – Конан хитро подмигнул, – спокойней будет, зная, что вперёд уже кто-то пошёл.

– Ага, понял. То есть, ты...

– Ш-ш! – Конан приложил палец к губам, – Не забывай: мы – на базаре. Здесь даже у стен растут уши. Так что, что бы я там не предполагал, высказывать вслух этого не надо.

– Всё понял. Ты предусмотрителен и осторожен, чужеземец. Кроме того твои... э-э... мускулы позволяют надеяться на то, что наши шансы...

– Скажем так: неплохи! – Конан поиграл налитыми буграми бицепсов, грудными и прочими мышцами, рельефно выделявшимися на его загорелом и как всегда обнажённом по пояс, на котором привычно висел огромный по местным меркам меч, торсе, – А сейчас нам лучше просто разойтись. До встречи, Садриддин!

– До встречи, Конан!

После того, как столь несхожие личности, и правда, разошлись, из узкого проёма между лавками высунулась чьё-то, похожее на лисье, загорелое почти дочерна, лицо. Взгляд внимательно прищуренных карих глаз испытующе упёрся вначале в спину киммерийца, а затем – и Садриддина. После чего, завернувшись в лохмотья-обноски поплотнее, неприметный тощий человечек убрался в свою нору.

В обеденном зале караван-сарая к вечеру оказалось не простолюдно, а чертовскилюдно. Конану пришлось разделить стол с какими-то не то – скотоводами, (не иначе как пригонявшими баранов на продажу) не то – дехканами. Правда, эти измождённые и дочерна загоревшие бедолаги на неприятности не нарывались, и безропотно освободили по его требованию ставший привычным для него за последнюю неделю торец стола.

– Эй, Вахид! – Конан кивнул повару, которого видел прямо через широкий проём кухни. Когда усатый плотный зингарец обернулся на громовой голос, варвар закончил:

– Мне – как всегда.

Кивнув в ответ, мужчина с красным от пышущих жаром казанов, лицом, отвернулся к плите, что-то буркнув поварёнку постарше. Не прошло и минуты, как перед киммерийцем красовалось огромное блюдо с чуть не половиной барашка, зажаренного на вертеле. И, разумеется, добрая кружка вина – ёмкостью не меньше полбурдюка.

К этому времени все, кто тоже обернулся на зычный голос северного гиганта, напялившись вдоволь, повернулись обратно к своим мискам и сотрапезникам. Конан приметил, кстати, и ту пятёрку, что шушукалась о чём-то на базаре, и ещё три-четыре группки – явно претендентов. Они, кто – вдвоём, а кто – втроём, ужинали здесь же. Ну и правильно: еда у Вахид-ака всегда славилась отменным вкусом. И порции он накладывал без обмана!

Конан, отрывая куски от туши прямо руками, принялся за дело. Соседи-скотоводы, попереглядывавшись, да повздыхав, продолжили свою трапезу. Правда, отнюдь не с таким аппетитом – у них на ужин были только лепёшки да фасоль. Запивать которые приходилось жиденьким чаем. Варвар, хоть и делал вид, что всецело поглощён приёмом пищи, и не забывая чавкать и довольно крякать, тем не менее чутко вслушивался в царящий вокруг, и для нетренированного уха вроде бы абсолютно неразборчивый, гомон-ропот.

– ...три барана! А я ему говорю: за мою Гюзель три барана – это курам на смех! Такая умница, красавица, с пяти лет готовит – пальчики оближешь! А сейчас, когда ей сравнялось тринадцать – вообще может приготовить хоть на роту сардоров! Нет, говорю, давай пять – и не меньше!..

– ...вовсе не такие тонкие и прозрачные, как китайские. Нет, в кольцо, конечно, не проходят, но зато – какое шитьё! Уж на золотые нити я не скуплюсь! Наши платки и чадры – самые узорчато-расписные во всём Хурассане, а здесь их и за два брать не хотят!..

– Нет! Вначале стигийцы захватили только порты на юго-востоке! А король Вездигдет их оттуда!..

– ...сами пошли, никто на аркане не тянул! И когда к закату не вернулись, всё стало понятно! Сожрала их – Да упокоятся их души с миром! – чёртова тварь! – ага! А вот это – то, что стоит, пожалуй, послушать дальше. Конан отпил солидный – в полкружки! – глоток, и продолжил якобы кусать и жевать, водя глазами по залу, где уже плавала мгла от трубок курильщиков опиума, а на самом деле вслушиваясь в разговор за столом справа:

– А какие были мастера! М-м!.. С одних только сабель могли позволить себе купить по загородному дому! Да вот не поделили, понимаешь, отцовскую мастерскую. Разъехались на разные стороны площади, и стали конкурентами... – Конан понял из дальнейшего разговора, что речь идёт о братьях-близнецах, искусных кузнецах, слава о которых далеко вышла за пределы Биркента, и которым элитное оружие, изготовленное в их наследной лавке-кузне, позволяло неплохо сводить концы с концами. Если сказать мягко.

Однако тут рассказчик – пожилой мужчина с потным и покрасневшимся от горячей пищи лицом, и заплатами на явно выдавшем лучшие времена халате – пустился в воспоминания о качествах кольчуг и сабель, и довольно долго об интересующем Конана предмете речь не шла. Но вот опять:

– ...в самом расцвете лет! Каждому – по двадцать пять! Пора, вроде, и женой обзаводиться. Ну и одолела их тут гордыня: захотелось одним махом добиться всего! И дворянства,

и золота, и принцессы! А уж ненавидели друг друга к этому времени – и не говорите! Я сам – сам! – видел, как входили не далее как в прошлом году прямо в ворота. Первый – с обнажённой саблей в руке, и в кольчуге полированной: чисто – зеркальный карп! Ослепнуть можно было! А второй – Ринат! – наоборот: выкрасил всё в чёрный. Наверное, думал, что так он станет незаметным там, в тёмных переходах и комнатах... Саблю и два кинжала, само-собой, и он не забыл. Только...

Только после заката, когда закрыли уже и заперли ворота, да наложили снова заклятий защитных с печатями наши-то придворные дармоеды-то, ну, то есть – чародеи...

Перелетели в числе других через стену и головы Рашида с Ринатом!

А я уж так хорошо приспособился продавать в Зингару через двоюродного брата их кольчуги и кинжалы!..

– Но погоди-ка... Бэл с ними, кинжалами... Так, получается, за день эта тварь может убить более двухсот человек?! – это прорезался недоверчиво-удивлённый и чуть подрагивающий (От удивления, разумеется!) голос собеседника справа, гибкие холёные пальцы которого автоматически, без участия глаз, крошили на стол белую лепёшку – патыр.

– Хо!.. Убить-то она может и побольше, я думаю... В самый первый раз, когда вход был ещё бесплатный – многие ломанулись попробовать. И даже сардоры самого Мохаммада. Только погибли они. Все погибли. (Тогда-то падишах и запретил воинам гвардии участвовать!)

Дело-то в том, что она, тварь эта, там, внутри, живёт по своему, собственному времени. Да и все, кто попадает внутрь – живут так же. Словно бы – вне времени!

– Это как так? Что за чушь?! – это влез собеседник слева, юнец с ещё блёкло-белёсыми усами, почти непрестанно чешущий затылок. Конан подумал, что, в-принципе, ребята-претенденты работают грамотно: расспрашивают, щедро угощая, бывшего младшего виночерпия, уволенного с должности не столько по возрасту, сколько в связи с тем, что в неё вступил его старший сын – передача поста, так сказать, по наследству.

И вот теперь пожилой профессиональный сплетник и интриган, чтоб совсем уж не заскучать дома, не потерять квалификацию, да и покушать задарма, с умным видом пересказывает дворцовые закулисные пересуды и сплетни трёхлетней давности.

Дней пять назад, пока ещё не начался наплыв прибывающих из других стран претендентов, и караван-сарай стоял полупустой, Конан и сам расспросил старца. Однако быстро понял, что тот – не слишком надёжный свидетель. И все его сведения получены из третьих-пятых рук. А то и побольше.

– Не чушь, уважаемый Дониер-бек. А вот послушайте. Знавал я и одного парня, который у нас был младшим конюшим. Он тоже в первый раз – того. Решил попробовать. Только когда зашёл внутрь, да услышал жуткие вопли этих... Ну, тех, кто вошёл раньше... Сел на пол прямо у входа, и так и сидел, сжавшись в комок, и боясь даже шевельнуться. Как он рассказывает – парализовало его. Мышцы, говорит, словно скрючило судорогой!

Так и просидел, говорит, пока не почувал, что если не выберется из дворца, умрёт от жажды. Да оно и верно. Когда его, еле ползущего по плитам, у самых ворот подобрали, да стали поить, выпил добрый бурдюк... Но это – к слову. А главное – так это то, что по его словам, сидел он вот так, скрючившись, возле самого входа, не меньше трёх-четырёх суток. И – вот уж не поспоришь! – щетина на его подбородке!

– А что – щетина на его подбородке?

– Ну – как, что?! Отросла она! Так, словно, и правда – не брился он пять или шесть дней! А выполз он, кстати, за час до заката – то есть здесь, в нашем мире, прошло всего-то шесть-семь часов... Вот и думайте сами – брать или не брать туда бурдюки и лепёшки!..

Конан понял, что больше ничего нового он от старика, рассказывавшего, словно затверженный урок, одними и теми же словами вызубренную легенду-полуправду, не узнает, переключил внимание на других ужинавших.

Однако больше никто, кажется, не рвался делиться знаниями о том, как, и от чего погибло более шестисот храбрых, крепких, и самоуверенных парней и мужчин. Головы которых, за неимением остального тела, упокоились, согласно местным обычаям, на местном же погосте. И, похоже, тактика странной твари, таким странным способом дающей понять, что она вновь оказалась сильней, начинает приносить плоды: в этот праздник Марпита число претендентов не превышает ста...

А в прошлом году, как утверждают старожилы, как раз и составляло – двести.

Но за себя киммериец был спокоен.

Его-то голова здесь, в пропылено-выгоревшем, захолустном Биркенте, с жителями, кажущимися невозмутимыми и равнодушными к любым происшествиям, не останется.

Поэтому доев, и допив, он просто пошёл спать.

Сума за плечами напарника вызвала удивлённый возглас у Садриддина:

– Конан! Ты что – собираешься там жить?!

– Да, примерно.

– В каком смысле?

– В прямом. Ты что, дорогой напарник, не слышал, что поговаривают о времени, существующим – а вернее – не существующим! – там, за порогом? – они как раз и стояли у этого самого порога, провожаемые наигранно-лицемерными напутственно-сочувствующими взорами толстеньких чиновников скучно-казённого вида, и двумя взводами падишахской стражи, с пиками наперевес окружавшими ворота снаружи. Правда, острия пик были обращены к открытым сейчас воротам, и брови не переставали хмуриться: похоже, бравое воинство всё-таки больше опасалось того, что может из тёмного проёма выйти, чем тех, кто может захотеть прорваться туда снаружи, не заплатив налога.

– Ну... Да, слышал. Но ты же, надеюсь, не веришь всем этим бабским сплетням о том, что кто-то блуждал там неделю, и потом вышел наружу совсем спятившим седым стариком?

– Нет. Сказочкам про Бахром-ака я не верю. Зато другой истории, где у мужчины за шесть часов отросла недельная борода, верю. А вот то, что ты не догадался захватить еды – плохо. Ну, ничего: на неделю-то моих запасов на двоих хватит. – Конан пренебрежительно похлопал рукой по тощенькой котомке, что оказалась за плечами у напарника.

– Хм-м... Я благодарен тебе, конечно... Но ведь мы, надеюсь, не будем рыскать там неделю? Дворец – небольшой! (Поскольку у наших падишахов Мохаммадов просто не было денег на возведение большого!) Надеюсь, часа за три мы обойдём его весь!

– Ну-ну. – Конан криво ухмыльнулся на замечание юноши, и суму с плеча снял, – Похоже, кое-кто из предыдущих шестиста-с-чем-то-там претендентов тоже так и рассуждали. Ладно. Надеюсь, ты не будешь возражать нести *свою* долю еды и воды на эти самые «три часа»? Развязывай-ка свою котомочку...

Перераспределение продуктов много времени не заняло: киммериец захватил с собой только белых лепёшек патыр, которые славились в Биркенте и окрестностях тем, что не черствели побольше недели, ломтиков вяленого мяса, и сухофруктов. А вот второй бурдюк с водой, что размером был поменьше Конановского, еле влез в котомочку Садриддина. Юноша закинул её за спину, поприседал. Конан хмыкнул:

– Да, так хорошо: ничего не звенит. Теперь можно и идти. Только не торопись. И, главное – не забывай следить за нашим тылом. – видя вскинувшиеся недоумённо брови, Конан поправился, переведя на местный диалект зингарского, – Прикрывай, короче, наши спины, пока я буду «бдить» вперёд.

– А... А почему это вперёд будешь «бдить» ты?

– А потому, мой милый и надеющийся на своё юное зрение, напарник, что в темноте я всё-таки вижу получше даже тебя. Можешь отсюда, например, сказать, сколько досок в двери, которая вон там, впереди?

– В какой двери?!

– Вопрос исчерпан. – Конан, медленно идущий чуть впереди, вздохнул, – Сейчас мы к ней подойдём.

– О, верно! Тут есть дверь! Как же ты её с такого...

– Очень просто. Говорю же – вижу в темноте получше многих.

– Всё, понял. Ты прав. Но... Как же тогда я смогу смотреть за нашими спинами, если даже дверь с десяти шагов не заметил?

– Э-э, не бери в голову. Сейчас глаза привыкнут, и будешь видеть лучше. – Конан не стал говорить, что сам шёл через базарную площадь с полуприкрытыми глазами, чтоб ослепительное солнце Востока не помешало его кошачьему зрению заработать сейчас, в полумраке, в полную силу. И плевать ему было, что brave стражники могут посчитать его прищуренные глаза за презрительное к ним отношение: главное сейчас – именно зрение!

– Да, верно. Вон: коридор вижу.

Коридор, оказавшийся за бесшумно открытой могучей рукой варвара дверью, уходил, казалось, в бесконечность. Которая для Конана заканчивалась в примерно сорока шагах – новой дверью. Вынув из ножен верный меч, киммериец пружинящим шагом бесплотной тенью двинулся вперёд, бросив через плечо полушёпотом:

– Хочешь пожить подольше – не шуми. А если что подозрительное...

– Понял. – ответный шёпот звучал несколько неуверенно. Хотя заподозрить парня в банальной трусости было невозможно: это же его возлюбленную они идут спасать! А влюблённых во все времена можно обвинить, скорее, в излишней порывистости и неосторожности, чем в трусости!

Вторая дверь тоже открылась без скрипа: уж Конан позаботился. Однако внутри оказалось действительно темно: свет полудня через крохотные окошечки вверху, под куполами крыши, проникать-то проникал... Но до пола почему-то не доходил: словно терялся в клубящейся мгле, наполнявшей огромную комнату: зал для приёмов.

Варвар, разумеется, не забыл побеседовать с архитекторами и строителями, недавно – всего лет десять назад! – проводивших перестройку крыла принцессы, и косметический ремонт остальных покоев. Поэтому примерную планировку дворца знал. Там, в дальнем конце зала, по бокам от трона, должны начаться два основных крыла: покои падишаха и комнаты принцессы. Вот там и нужно будет скорее всего ждать...

Того, чего нужно ждать.

В какое именно крыло идти, Конан собирался решить на месте, после предварительного осмотра-разведки. Но пока ни малейших намёков на что-либо, могущее помочь ему понять, с чем они будут иметь дело, не имелось: ни растерзанных тел людей, ни следов твари, что водворилась сюда, вынудив всю челядь, да и самого правителя, полуодетыми, и с душераздирающими воплями, выскочить наружу буквально за несколько минут... И бежать, пока не оказались снаружи – за защитной стеной города!

Однако когда подошли к трону, (сейчас, разумеется, пустовавшему) следы нашлись.

Вернее – один след.

Роскошная ткань на высоченной помпезной спинке оказалась словно перечёркнута, разодрана когтистой лапой: три глубокие борозды пересекали узорчатый хан-атлас, до сих пор чудесно серебрившийся мягкими отсветами и переливами даже в полумраке.

Убедившись, что ни за тронном, ни в углах никто коварно не притаился, Конан позволил себе несколько расслабиться, покачав головой:

– Хотя этой твари никто не видел, я уже могу себе кое-что представить.

– По следу лапы? – Садриддин спрашивал, как и варвар, понизив голос почти до шёпота, чутко ловя малейшие подозрительные шорохи. Хотя готов был поставить в заклад свой остро наточенный кинжал, который держал теперь в руке, против пары дохлых мух, что варвар-северянин и слышит происходящее вокруг гораздо лучше.

– По следу лапы.

– Но... Что может сказать такой след?

– Охотнику и воину – многое. Во-первых – это – не заколдованный человек, а именно – зверь. Например, у северных медведей есть такой же обычай: они помечают свой участок леса, обдирая кору деревьев как можно выше – ну, чтоб показать конкурентам свой рост и силу! Во-вторых, у этого зверя есть не менее четырёх когтистых конечностей. Или лап. – на недоумённое почёсывание затылка киммериец решил свой вывод пояснить, – Это просто: будь у него вместо передних лап крылья, ему не удалось бы задними оставить такой след. Да и территорию свою крылатые метят по-другому... В-третьих, размером тварь не меньше быка или того же медведя. Это понятно по расстоянию между отдельными пальцами: вон какое большое!

Ну и в-четвёртых – тварь умна.

Участок для охоты ей метить не надо, поскольку сюда других таких, как она – уж точно не сунется. А этот след на ткани – призван, скорее, напугать. Людей. То есть, заставить тех, кто потрусливей – занервничать, запаниковать заранее. Вот такой вот демонстрацией своих размеров, вооружения, и силы. Дрожащего от страха противника легче...

Съесть!

– Бэл раздери... Твоя правда, Конан: я... Нервничаю.

– Это – отлично, – Конан весело глянул на уже привыкшего к полутьме, и переставшего ежесекундно щуриться и моргать, напарника, – А вот если бы ты сказал, что не боишься, я посчитал бы тебя за идиота. Или вруна. Потому что храбр не тот, кто не боится. А тот, кто может контролировать свой страх. Отложить его туда, где он не помешает работе. А мы с тобой сейчас выполняем важную работу. Ты – спасаешь свою девчонку, я – зарабатываю мешок с замечательными жёлтыми кружочками. Которые потом можно обменять на кусок приятной и беззаботной жизни.

– Ты хочешь сказать, что золото...

– Что оно, пока молод, позволяет неплохо проводить время. Жаль, обычно надолго его не хватает, сколько бы не заработал!

– Так завязывай быть наёмником, и устройся на должность получше! Например, тебя легко бы взяли в нашу армию сотником. Или даже – тысячником!

– Нет, Садриддин, это для меня – мелко. Я целю куда повыше!

– В начальники войска?!

– Нет. В короли.

– О-о!.. От скромности ты не умрёшь!

– Это уж точно. Вот такие мы, киммерийцы: зарабатывать – так мешок золота, править – так королевством! Причём – своим! Ладно, отдохнули, потрепались, и – вперёд!

Осторожно ступая, они перешли к двери, ведущей в крыло принцессы.

Конан кивком головы показал Садриддину, что тот должен сделать, сам с нацеленным в сторону двери мечом встал в боевую стойку – в нескольких шагах от неё.

Дверь юноша открыл бесшумно и быстро.

Вылетевший оттуда ком шерсти и ярости Конан встретил достойно: сам внезапно прыгнул навстречу, и огромный меч вонзился прямо в центр разверстой зубатой пасти!

Рёва и воя не услышали бы только дикари отдалённого Пунта: от их силы закладывало уши и буквально до фундамента содрогались стены!

Варвар, от могучего рывка твари выпустивший меч из рук, не мешкая продолжил атаку: выхватил кинжал, размером не уступившим бы местным саблям, и одним прыжком вскочил

на холку корчащегося на полу зверя. С боевым киммерийским кличем Конан вонзил стальной зуб в основание черепа монстра!

После чего мгновенно соскочил, не забыв кинжал выдернуть.

– Сюда, за трон!

Ещё до того, как напарники отбежали, ощетиниваясь зажатым в руках оружием на врага и тёмный проём, стало ясно: тварь поражена смертельно. Конвульсии быстро затихли, и она вытянулась, обмякнув, в бесформенную гору-кучу прямо у двери...

Из проёма никто больше не появился.

– Конан. – Садриддину пришлось два раза вдохнуть, и сглотнуть, прежде чем перестали стучать зубы, и он смог сказать хоть что-то, – Какой ты могучий и быстрый! И если б не ты – сейчас одним идиотом-влюблённым точно стало бы меньше!

– Оно и верно. – тон Конана не позволял понять, говорит ли он серьёзно, или шутит, – Правда, ты погиб бы не потому, что побоялся бы этого тигра-медведя, а потому, что твой кинжальчик – коротковат. И не достал бы ни до сердца, ни до позвоночника, как моё оружие. Где разжился, кстати?

– У... – Садриддин закусил губу, затем всё же выдавил из себя, – У Рината в лавке.

– Ага. Что ж. Я ничего не имею против кражи оружия. Особенно – для достойной цели. Только вот не уверен – ковал ли его действительно сам Ринат?

– Ринан, Ринат. Я пробрался к нему в лавку в то самое утро, когда он ушёл во дворец, а его подручные и ученики побежали провожать. И смотреть. На его брата.

– А молодец, коллега. А почему не взял саблю?

– Потому что все они брали сабли. Ну, те, предыдущие шестьсот-с-чем-то-там...

И ни на вот столько это им не помогло! – юноша показал кончик ногтя.

– Ага, снова – молодец. Рассуждаешь, в-принципе, грамотно. Но вот длина лезвия боевого оружия – всё равно, должна быть хотя бы по локоть! А твоим – только в зубах ковырять. На вот, возьми. – Конан вынул из своей, казавшейся необъятной, сумы, ещё один здоровущий кинжал.

– О-о!.. Спасибо, Конан! Вот это да! – Садриддин вынул из ножен лезвие длиной как раз в локоть, и осмотрел в неверной мгле тронного зала его волшебнo-стальные, придающие уверенности, отсветы, – А почему он – четырёхгранный?

– Это – не кинжал в обычном смысле. Это – мизерикорд. То есть – оружие для последнего удара. Я видел, как таким специально обученные бойцы в Калабрии убивают быков на потеху публики. А взял я его – как запасной. Для себя, если сломается гладий. – Конан показал плоское узкое лезвие в своей руке, – Ладно, довольно отдыхать. Нужно вынуть мой меч, да идти дальше.

– Но... Погоди-ка, Конан. Ведь мы убили тварь! Значит, теперь-то нам некого бояться! И можно идти за Маликой!

– Экий ты пылкий да нетерпеливый... – иронии во взгляде Конана не заметил бы только совсем уж крот, – Мы убили только первую тварь. А я готов прозакладывать своё ожерелье из клыков медведя против стеклянной бусины, что будет и вторая. И третья...

И *тварями* сюрпризы чародея не ограничатся!

Коридор, ведущий в покои принцессы, оказался совершенно тёмным. Окон, или ещё чего-либо, дающего свет, здесь не имелось.

Конан вновь опустил суму на пол возле полосы света, сочащейся из открытой теперь настёж двери с её уже неопасным стражем, и достал глиняную плошку. Налил масла из бутылочки, почиркал кресалом на трут. Вспыхнувшую искру перенёс на фитилёк масляной копилки:

– Извини, напарник, но светильник придётся нести тебе.

Садриддин, прекрасно понявший справедливость этих слов, только кивнул.

Так, держась в двух шагах от гиганта-северянина, в точности, как тот приказал, он и двигался сзади Конана, подняв как можно выше руку с коптилкой. И стараясь почаще оглядываться, и сдерживать шумное прерывистое дыхание, рвущееся из трепещущих лёгких. Чтобы полностью успокоиться, и унять дрожь в руке, чтоб не расплёскивать масло, понадобилось несколько минут...

Конан, как и прежде, шёл не торопясь. Иногда почему-то топая по полу ногой в сапоге, и пристально приглядываясь не к темноте впереди, а к потолку и стенам. Этого Садриддин не понимал, пока в одной из стен вдруг не открылся люк, и к их ногам не высыпался копошащийся клубок кого-то мелкого, чёрно-блестящего, и абсолютно бесшумного!

Конан не долго думая принялся топтать клубок подошвами сапог, успев, однако, бросить через плечо:

– Отойди подальше! Ты – в дырявых афганках, а это – каракурты. А, да, ты же не знаешь... Словом – ядовитые пауки!

На этот раз Садриддина прошиб пот, хотя в коридоре было совсем не жарко. Однако светильник в его руке не дрогнул, и освещал поле странного «боя» чётко.

Когда похрустывания и хлопанья под толстенными подошвами затихли, Конан откинул со лба мокрые волосы, и выдохнул:

– Ф-фу... Ну, вроде, теперь можно и дальше... Э-э, нет, погоди-ка – что это там?

Оглянувшийся Садриддин ничего не увидел, поскольку отсветы огонька слепили его непривычный взгляд. Конан же просто сделал два гигантских шага по коридору, и метнул в темноту кинжал юноши, который до этого нёс просто заткнутым за свой широкий кожаный пояс.

Истошный визг, шелест и хлопанье чего-то вроде огромных крыльев сказали напарникам, что варвар не промахнулся! Однако вскоре звуки затихли, и Садриддин, снова проморгавшись, и отодвинув чуть в сторону ладонь с плоской, увидел на полу позади себя очередную кучубугор.

– Посмотрим?

– Посмотрим.

Посмотреть нашлось на что. Гигантский нетопырь застыл на полу, обнажив в предсмертной гримасе неправдоподобно здоровые для такой твари зубы.

– Смотри: он создан кем-то специально. Зубы – чёрные. Чтоб не отсвечивать в свете факелов. Или вот, как у нас – масляных коптилок. – а когда Садриддин потянулся рукой, чтоб потрогать мягкую шерсть на теле размером с добрую собаку, Конан предостерег, – Лучше не трогай. Может, у него какие блохи-клещи. Такая тварь-паразит, сосущая чёрную заколдованную кровь, если укусит, это может быть поопасней укуса фаланги.

– П-понял. Извини. Как-то само-собой захотелось просто так – потрогать...

– Ну вот и запомни теперь. Мы – на территории врага. Хитрого и коварного. И, думаю, твари вроде давешнего тигра, или вот этого нетопыря – не самое страшное здесь звено обороны. Поэтому ничего «просто так» не трогай!

– Понял. – Садриддин снова порадовался, что его взял в напарники такой опытный воин, – Но... Откуда эта штука залетела?

– Во-он оттуда. – Конан кивнул на неприметный люк в потолке, – Тебе, может, и не видно, а я его щели заметил ещё пару минут назад. Ну что? Двинули дальше?

– Д-двинули.

Однако двинуться дальше получилось не слишком хорошо.

На очередное постукивание сапогом по плитам пола вдруг открылся очередной люк в потолке, и оттуда вывалилась огромная гора каменных обломков размером с лошадиную голову!

О том, как варвар успеет отскочить, Садриддин не беспокоился: сам же, хотя и шёл как обычно в двух шагах позади, еле успел увернуться от запрыгавших по плитам камней!

– Бэл раздери. Ну и как нам теперь перелезть через завал?

– А... Может, не надо через него перелезать? Вон там же – комнаты. Сообщающиеся. Может, обойдём?

– Плохое предложение, юноша. Комнат и дверей в них – верно, навалом. Но для чего, как ты полагаешь, нам попытались перекрыть основной ход? Вот именно. Для того, чтоб мы как раз и попытались – обойти. Наверняка те, кто шёл тут до нас, тоже так думали... Ну и где они? То-то. Поэтому держи повыше плоску – я полез.

Действительно, скоро лоснящаяся от пота спина киммерийца, не заботившегося больше о соблюдении тишины, раскидывая в стороны обломки и глыбы, скрылась в расчищенной могучими руками дыре в завале. Почти тут же там возникло его лицо:

– Забирайся. Дальше – пройдем.

Коридор, всё так же через регулярные промежутки оснащённый дверьми, тянулся и тянулся.

Конан, методично открывавший все эти двери, только чтоб лишний раз убедиться, что в них кроме клубящихся чёрных туч, ничего нет, иногда ругался уже вслух: вместо пола в таких помещениях имелась бездонная дыра, казалось, уводящая в подземелья того самого Бэла. Садриддин помалкивал, продолжая оглядываться назад.

Ничего там не показывалось. Или он просто не мог этого «чего-то» разглядеть...

Вдруг варвар остановился. Садриддин напрягся было, но напарник пояснил:

– Хватит ходить на голодный желудок. Подошло, наверное, уже время ужина, а мы с тобой и на обед маковой росинки в рот не взяли. Садись. Вот здесь – безопасно. Вроде.

Перекусывали, неторопливо запивая лепёшки и кусочки вяленого мяса скупыми глоточками воды. Киммериец ел, аккуратно от лепёшки отламывая. Садриддин просто кусал. Крошек оба старались не оставлять: мало ли... Поели за десять минут.

– Не нравится мне это место. – прервал вдруг словно тисками давящую уши тишину, Конан, – Коридор покоев Малики должен был кончиться ещё пару миль назад, а он всё тянется и тянется. Слово здесь не только время, но и пространство – заколдовано. Как бы... растянуто! Две мили – это мы уже, считай, за пределами городской стены Биркента!

– Да, точно. Но как такое возможно, Конан?

– Сам не знаю. Но сталкивался. Маги, они же – не люди. Им всегда мало места на обычной земле. Им подавай простор, размах... В своих замках и крепостях они как только не изощряются с этим самым пространством. Да и снаружи... Недаром же большая часть чародеев, что я встречал, хотела захватить власть над целыми странами. И континентами. Да и над всей Ойкуменой.

– А много чародеев ты встречал, Конан?

– Порядком. Только вот не скажу, что у меня от этих встреч сохранились приятные воспоминания. Куда чаще приходилось не загадки, как здесь, разгадывать, лазая по созданным кем-то коридорам Лабиринта, словно крыса – а свою жизнь защищать в открытом бою!

– То есть, раньше ты...

– Ну да. Просто отрубал, если получалось, головы таким претендентам на мировое господство. А если не получалось сразу голову – разные другие части тела. Ну, или в крайнем случае – убивал не мечом, а каким другим орудием – для каждого мага, знаешь, подходит своё, обычно заколдованное, оружие: копьё, костяной нож, серебряный клинок, огонь... Правда, все эти ребята обычно норовят защититься в первую очередь – с помощью своей магии. Ну, а нам, простым смертным, тут нужны средства, нейтрализующие... Или хотя бы – указывающие на неё.

– А у тебя, значит, есть...

– Да. – Конан показал кинжал, – Вот этот шарик на рукоятке – моя магическая защита. Друг подарил. Да и меч мой – тоже волшебный. Получил я его... неважно. Главное – он отлично рубит головы даже заколдованных тварей. Да и их хозяев. – и вдруг, без перехода, – Поел, что ли? Ну, пошли.

– Неужели мы никогда не дойдём до конца этого коридора?

– Почему же? Дойдём рано или поздно. – очередной перекус застал напарников уже в добром десятке миль от «входа», – Даже самый могучий чародей имеет свои, так сказать, пределы. Но напрягает меня не это.

– А что, Конан?

– А то, что мы до сих пор не встретили ни единого следа, не говоря уж об останках, тех, кто вошёл сюда раньше нас.

– Но... Для них же время тоже – того... Проходит по-другому! Может, они ушли гораздо дальше?

– Возможно, конечно... Только вот не верится мне, что все они вот так, походя, справились с каракуртами, тигром, нетопырями, крысами, змеями, (Это, кстати, были чёрные мамбы – чертовски ядовитые гадины из земель Зулу!) и мантикорой. Даже мне пришлось попотеть. – Конан, разумеется, скромничал. Мантикору, жуткую помесь львицы со скорпионом, он уложил в два титанических удара – первым отрубил напрочь хвост с ядовитым жалом, а вторым – вскинувшуюся от боли голову. А удалось это сделать потому, что Садриддин наконец прошёл боевое крещение: помахал перед мордой странного создания своим мизерикордом, а затем плюнул прямо в морду твари.

Тварь удивилась, на долю секунды забыв об обороне, Конан воспользовался.

– Но тогда может быть те создания, что здесь живут, просто сожрали их?

– Возможно и это. Но тогда остались бы следы – кровь, части тел, обрывки одежды... А здесь – сам видишь: чисто и даже пыли нет.

– А почему здесь нет пыли, Конан?

– Хм. Не знаю. Но знаю, что если б была – нам было бы легче. Ну, то есть – мне. Читать следы и предвидеть опасности. Ладно, сделаем так: идём ещё пару миль, и останавливаемся на днёвку.

– Днёвку?! Но ведь мы даже...

– Парень! Сейчас, как мне подсказывает моё чувство времени и желудок, уже кончается ночь. Ты, может, и готов блуждать здесь без сна ещё пять суток. А я предпочитаю трезвую голову и зоркий взгляд! А глаза от напряжения, сам знаешь, устают.

Так что первым сторожить буду я. А затем – ты.

«Днёвка» как ни странно, прошла спокойно.

Ничего и никого в длинном, и так и не думающем кончаться, коридоре, пока варвар спал, (Даже похрапывая!) не появилось. Садриддин, первые минуты с замиранием сердца вертевший головой во все стороны при малейшем подозрении на необычный звук, слегка расслабился. Но добросовестно «бдил». Даже встал на ноги, чтоб не заснуть на посту. Но вот губы грызть пришлось закончить: на них уже не было живого места!

Будить киммерийца не пришлось: он проснулся сам.

Сладко, с хрустом суставов, потянулся:

– Ну, как тут?

– Пока, вроде, никого.

– Отлично. Позавтракаем.

Завтрак, собственно, ничем не отличался от обеда и ужина, кроме того, что вместо вяленого мяса теперь они налегали на сухофрукты:

– Старайся есть побольше груш и урюка. Они просветляют зрение и разум.

Садриддин так и поступил, выбирая из кучи кусочки жёлтого и каштанового цвета.

Не прошли они и мили, как услышали странный шум. Конан, завертевший лохматой головой, прислушиваясь, бросил:

– Плохи наши дела! Дай-ка мизерикорд!

Садриддин поторопился так и сделать, протянув оружие рукоятью вперёд. Конан вдруг подпрыгнул, и вогнал кинжал в стену над головой! Подтянулся, и вогнал ещё выше уже свой гладий. Стена из саманного кирпича выдерживала вес северного гиганта легко.

Когда Конан добрался таким образом, переставляя кинжалы, до самого потолка, он спустил ногу:

– Хватайся, черти тебя раздери, и подтягивайся сюда!

Садриддин так и сделал, решив что ненужные расспросы можно отложить и на потом, а пока главное – избежать этой новой, с гулом, рёвом и грохотом несущейся на них, опасности. Когда подтянулся до рук киммерийца, тот освободил мизерикорд:

– Держись! Что хватит сил – держись!

А и правда: держаться пришлось изо всех сил!

Накативший на них вал чёрной холодной воды оказался почти вровень с их головами: только-только вдохнуть, подтянувшись за очередным глотком к самому потолку!..

Правда, продолжался потоп не больше пары минут, внезапно истаяв, и утихнув. На полу остались лишь лужицы чёрно отблёскивающей ледяной воды, которая, впрочем, очень быстро – не то испарилась, не то – впиталась. Садриддин, у которого с непривычки к таким ваннам, зуб на зуб не попадал, выстукал ими:

– Ко-ко-на-н-н! Можжно с-сппу-ститься?

– Можно. Не соскользни: нога мокрая.

На спуск у юноши ушло куда больше времени, чем на подъём: руки тряслись, соскальзывали, и дыхание сбивалось.

Конан, выдернувший оба кинжала, и кошачьим мягким прыжком вставший на сырые плиты, протянул кинжал назад:

– Замёрз, что ли?

– А-а-га... У нас та-таких ледяных п-потоков даже в-в горных ручьях нетт!

– Эх, малец! Тебе бы побывать в Киммерии... У нас там в реках и ручьях вода такая даже летом. И мы в ней купаемся.

– Н-не может быть!

– Ха! Ты сомневаешься в слове киммерийца?!

Садриддин поспешил заверить, что конечно же – нет! Просто ему с непривычки никак не согреть тело...

– Ладно, приседай, помашаи руками... Я прикрою пока.

Садриддин так и сделал, ощущая, как постепенно возвращаются тепло и подвижность к мускулам и суставам. Конан, наблюдавший в оба конца коридора, сказал:

– Зато теперь понятно, почему до сих пор нам не попало следов и пыли. Вода – самый лучший их уничтожитель. Даже собаки после неё не могут взять след. Согрелся?

– Да.

– Ну, надеюсь, теперь тебе понятно, почему у нас так много еды с собой?

– Точно! На голодный желудок, да после ледяной ванны, я бы не то, что идти – ползти бы уже не смог от слабости! А без света, – Садриддин кивнул на площадку, которую успел передать варвару наверх перед тем, как подтягиваться, – давно погиб бы!

– Молодец. Трезво смотришь. На работу.

Ну, двинулись.

Коридор закончился внезапно.

В торце имелась, разумеется, очередная дверь.

– Эта – точно – в покои принцессы! Её делали по заказу Мохаммада шестого в мастерской усто Джалола: вон, его клеймо внизу!

– Отлично. Наконец-то хоть куда-то добрались. Ну, давай. Как в прошлый раз!

Однако из чёрного проёма никто не выскочил. Конан, впрочем, не спешил входить внутрь. Вначале он просунул в покои руку с плоской, и долго и придирчиво рассматривал помпезно-шикарный интерьер.

– А ничего вкус у местных декораторов. Впечатляет. Покои – куда там многим королям!

– Конан! Так ведь Малика – любимая дочь нашего падишаха! Он её... э-э... баловал, и покупал всё самое роскошное и дорогое! В-основном, привозное!

– Да, вижу. Драпировки и занавеси – точно из Пунта. А кровать с балдахинном – не иначе в Бритунии делали: отличный дуб. Не-ет, ты уж погоди! – могучая рука остановила порывавшегося было войти юношу, и Конан покачал головой, хмурясь, – Думаю, сейчас самое интересное и начнётся!

– Ч-что – самое интересное?!

– Ну как – что? Ловушки, капканы, волчьи ямы... Ну-ка, посмотрим.

Барвар, отойдя чуть назад, мечом выкорчевал из пола одну из чуть выступавших мраморных плит. Садриддин смотрел молча, уже догадавшись, для чего напарник это делает. «Дурацких» вопросов за эти... Часы? Дни? – он научился зря не задавать.

Плита, брошенная умелой рукой, прогрохотала по мозаичному полу спальни, на полпути к постели вдруг исчезнув в открывшемся в полу огромном проёме!

Конан удовлетворённо крикнул:

– Есть одна!

Ещё три плиты, брошенные в разных направлениях, выявили ещё одну яму-ловушку, и поток – на этот раз тарантулов. Которых киммериец, смело вошедший в покой по тропе, проложенной уцелевшими плитами, опять подавил сапогами:

– Экие поганые твари! Не раздавишь так просто: панцири крепкие, как у черепах!

Садриддин, осторожно, бочком, вдвинувшийся в проём, осмотрелся. Осторожно перегнувшись через край, заглянул в ближайшую яму. Его передёрнуло: колья-лезвия с зеркально отполированными остриями и крючьями, словно ухмыляясь, ожидали свои жертвы на глубине пяти его ростов. Глянув же в дальний, самый тёмный, угол комнаты, юноша невольно вскрикнул, рука вскинулась в указующем жесте:

– Конан!..

– Вижу, не слепой. Однако раз гриф не кинулся на нас сразу, значит, его дело – вредить нам как-то по-другому... Сейчас спросим.

– ЧТО?! Ты собираешься...

– Да. Помолчи-ка. И – прикрывай. – Конан и правда, подошёл к грифу, настороженным взором следящим за людьми с насеста в виде узорчато-мозаичного шестиногого столика. Тыкать при этом носком сапога в пол перед каждым шагом киммериец не забывал:

– Приветствую тебя, о почтенная птица. Ты понимаешь меня?

Как ни странно, но ответ прозвучал сразу. Птица словно только вопроса и ждала, чтоб открыть свой страшный загнутый клюв:

– Привет и тебе, чужеземец. Я понимаю этот язык.

Однако продолжения не последовало, и Конану пришлось сказать:

– Прости за невежливость. Я имею в виду, извини, что мы не спросили твоего разрешения, чтоб войти в эти покои. Мы ищем принцессу Малику. Ты не знаешь, где она?

– Ничего, я не в обиде, что вы вошли без спросу. Потому что покои-то – не мои. Они как раз и принадлежали принцессе, пока она ещё жила здесь...

Но её забрал отсюда Ворух.

– Кто такой – Ворух?

– Ах, верно. Вы не можете знать его имя. Ворух – маг, захвативший этот дворец, и живущий здесь... Не знаю уж, сколько лет. Мне кажется, что уже несколько сотен!

– Но кто же ты? Раз не пытаешься напасть на нас, думаю, ты... Не с Ворухом?

– Нет, я – не с ним. Я – кормилица Малики, а в грифа превращена в наказание. За то, что попыталась защитить свою ласточку от грязного и наглого хама!

– Феруза-опа?! – глаза у Садриддина буквально полезли на лоб.

– Да, Садриддин. Не удивительно, что ты меня не узнал. А вот я тебя отлично помню. И серенады, которые ты пел под стеной сада, и верёвку твою глупую, которую стражники унесли, а я – снова выкрала, да через стену перекинула. Чтоб ты, балбес влюблённый, мог спасти свою шукуру, когда настал час обхода!

– Ах!.. Так это вы, Феруза-опа, тогда...

– Да, мальчик. Но смотрю, ты вырос в сильного и упрямого юношу. Да и напарник у тебя – настоящий воин! Вместе вы, может, и достигнете успеха там, где восемь добравшихся сюда смельчаков потерпели поражение. И всё равно: чтоб спасти Малику, Воруха вам придётся убить. Иначе он не выпустит вас отсюда: будь то с принцессой, или без неё.

– А где сейчас Малика?

– Она – на половине падишаха, которую облюбовал для себя новый хозяин дворца. Он там развлекается с ней, унижая, и заставляя делать то, что принцессы никогда не делают: мыть полы, стирать, убирать его покои... Петь и танцевать.

– Ах!.. А как же её ручки – такие изящные и тоненькие!.. Но почему, – У Садриддина снова лицо пошло пятнами, и шея покраснела, – Она не откажется?!

– А как она может? Ведь тогда Ворух убьёт её отца!

– Но ведь Мохаммад шестой...

– Я думаю, что он – спасся, и сейчас всё так же правит в Биркенте. Но Ворух создал настолько правдоподобного двойника, что даже родная дочь – принцесса! – не может его отличить! Вот и старается, чтобы старика не пытали, и не морили голодом.

– Проклятье! Бэл раздери!.. – Садриддин употребил и другие слова, топая, и сжимая в бессильной ярости кулаки, – Мерзавец! Да за одно это!.. Бежим скорее! Где он?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.